

КОНСЬЮМЕРИЗАЦИЯ¹ ОБРАЗОВАНИЯ: обучающие и воспитательные дисфункции современной школы в контексте потребительской культуры

Распространение потребительской идеологии, как базовой философии жизни, происходящее на волне массовой культуры, вызывает деформацию практически всех институтов и механизмов социализации. Влияние потребительских установок массовой культуры обуславливает коллапс не только традиционной семьи и морали, но и кризис воспитательной и обучающей роли институтов образования. Этому отчасти способствуют изначальные принципы массового образования в буржуазном обществе, делающие это образование особенно уязвимым перед влиянием массовой потребительской культуры.

Темыр Хагуров,
научный сотрудник
Краснодарского
отделения Института
социологии РАН,
кандидат
социологических
наук

Вопреки распространённому мнению о высоком качестве западного образования, заметим, что оно присуще лишь элитарным учебным заведениям, массовая же школа как в Европе, так и в Америке высоким качеством подготовки не отличается. Причин можно выделить несколько. Во-первых, классическое образование в европейской традиции всегда предполагало фундаментальность, обширную эрудицию, многолетнее обучение и было привилегией элитных групп, практически не затрагивая широкие массы. С.Г. Кара-Мурза пишет: «Чем отличается выросшая из богословия «университетская» школа от школы « мозаичной культуры»? Тем, что она на каждом своём уровне стремится дать целостный свод принципов бытия. Здесь видна связь университета с античной школой, которая особенно сильно выразилась в типе классической гимназии». Появление *массовой школы* наблюдается в эпоху распространения промышленного капитализма, которому требовалась грамотная рабочая сила, умеющая читать, писать и соблюдать дисциплину. Глубины или оригинальности мышления, равно как и широкой эрудиции, массовая школа не предполагала, её задачей было воспитание дисциплинированного пролетария. Тот же подход начал проявляться в сфере высшего образования,

¹ Консьюмеризация (от англ. consumer — потребитель, или глагола to consume — потреблять) — превращение чего-либо (в данном случае — школы) в один из институтов и механизмов системы потребления.

которое отреагировало на нужды экономики переходом от классической университетской подготовки *образованных людей* к подготовке *специалистов*. Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет так оценивает фигуру специалиста: «Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всём, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он всё-таки «человек науки» и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его «учёным невеждой», и это очень серьёзно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведёт себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущими знатоку и специалисту... Достаточно взглянуть, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах — в политике, в искусстве, в религии — наши «люди науки», а за ними врачи, инженеры, экономисты, учителя... Как убого и нелепо они мыслят, судят, действуют!» Один из крупнейших отечественных культурологов профессор И.Г. Хангельдиева говорит о переходе от классической модели образования (представленной классической гимназией) к современной специализированной подготовке (специализированная школа) как о подавлении культурно-духовного начала.

Таким образом, массовое образование в буржуазном обществе отнюдь не ставило целью воспитать всесторонне развитую личность. Его задачей было готовить кадры для экономики и бизнеса. Человек, прошедший такую подготовку, был исполнительным, мог успешно выполнять поставленные задачи, выступая в нерабочее время в качестве типичного потребителя.

Что же касается элитарного образования, то оно было основано на классической гуманитарной парадигме, предполагающей широкую эрудицию и знание языков, умение концептуально мыслить, глубокую историческую, литературную и философскую подготовку. В. Гейзенберг так писал об этом: «Кто занимается философией греков, на каждом шагу наталкивается на эту способность ставить принципиальные вопросы, и, следовательно, читая греков, он упражняется в умении владеть одним из наиболее мощных интеллектуальных орудий, выработанных западноевропейской мыслью». Однако, как свидетельствуют результаты фундаментального исследования французских социологов образования К. Бодло и Р. Эстабля, элитарное образование составляет не более 20–25% от общей сферы образования и монополизировано узкими элитными группами.

Заметим, что советская массовая школа, созданная по образцу классической гимназии, ставила целью как раз всестороннее развитие личности на базе классического подхода. Критика этой модели школы за якобы «оторванность от жизни» и многочисленные призывы сделать школу более «демократичной» или «практически-ориентированной», иногда имея в себе рациональное зерно, активно способствует примитивизации образования, приведению его к аналогам западной массовой школы.

Все недостатки массовой системы образования в условиях экспансии потребительской культуры резко катализируются, при-

водя к откровенным и опасным деформациям. О каких деформациях идёт речь? Во-первых, это утрата школой своей воспитательной роли. В потребительской культуре теряются *критерии нормальности*, что неизбежно захватывает и школу. Как пишет отечественный социолог В.С. Поликарпов, формирование человека-потребителя начинается в семье и школе, «...которая сегодня уже отчуждена от культуры и образовательно, и воспитательно: американская средняя школа, например, это — спорт, секс, низкое качество образования и полное отсутствие воспитания, американская высшая школа — это то же самое плюс сверхузкая специализация».

Известно, что *воспитание без ориентации на определённую норму невозможно*. Там же, где современная западная школа пытается воспитывать, она встречает резкое сопротивление господствующей идеологии «политкорректности», а попытки ориентировать учащихся на какие-либо устойчивые ценности (религиозные, нравственные) трактуются как «дискриминация и насилие». Пионером здесь выступают США, хотя схожие процессы наблюдаются и в Европе. Известен случай, когда американская студентка-лесбиянка выдвинула обвинение против христианского центра университета Тарфа, за то, что ей запретили присутствовать на собраниях этого центра, поскольку её не скрываема сексуальная ориентация противоречит христианской нравственности. Оскорблённая этой «дискриминацией» студентка подала в суд и выиграла. Христианскому обществу запретили действовать на территории университета. И данный случай — не единственный, а, скорее, типичный. С 1992 г. в США запрещены любые отправления религиозности в учебных заведениях, включая молитвы и осенение себя крестным знаменем.

По мере же того, как из учебных заведений уходит религия, туда агрессивно вторгается маркетинг. Поскольку государственное финансирование образования неуклонно сокращается во всех западных

странах, школы и университеты всё чаще вынуждены обращаться за помощью к частным компаниям. Корпорациям и фирмам в обмен на финансирование разрешается размещать рекламу в стенах учебных заведений. При этом содержание рекламных материалов часто оказывается несовместимым с дисциплиной, требующейся в учебном заведении. Американские исследователи сообщают о шокирующем случае — в 1998 г. из школы г. Гринбраз шт. Джорджия был исключён ученик за то, что надел футболку с рекламой «Пепси» в День кока-колы в школах. Типичными для американских школ стали «уроки от компании». Так, дети считают чипсы «Лэйз» на уроках математики, изучают биологию с помощью косметических средств компании «Ревлон», а на уроках географии изучают извержения вулканов с помощью «взрывного фруктового батончика Снэк», а во многих школах обязательным является просмотр рекламных роликов учениками по школьному телевидению.

В условиях господства потребительской культуры школа из института воспитания и обучения неизбежно превращается в элемент системы потребления. Это наглядно проявляется в том, какие ценности формируются у учащихся в школьных и университетских аудиториях. Социологические опросы в США свидетельствуют, что 93% девочек-подростков называют шопинг в качестве своего любимого занятия; 60% студентов колледжей в перечне жизненных ценностей самым важным считают зарабатывание большого количества денег; в Вашингтонском университете, отвечая на вопрос «что для вас самое важное в жизни?», 42% ответили «хорошо выглядеть», 18% — «быть всегда пьяным», и только 6% (!) — «получить знания о мире».

Школа становится средой воспитания «человека — потребителя», отличающегося примитивизмом и утилитарным складом мышления, императивным стремлением к комфорту и удовольствиям.

Система образования — своего рода зеркало, отражающее уровень интеллектуального развития того или иного общества. Образование сегодня, в большей или меньшей степени, практически во всех странах испытывает деформирующее воздействие со стороны массовой потребительской культуры. Как указывают Г.Е. Зборовский и Е.А. Шуклина «главное, что беспокоит всех без исключения исследователей образования, — снижение (некоторые утверждают: недопустимо быстрое) уровня реального образования. Одна из основных проблем, обсуждаемых сегодня повсеместно, — кризис образования и пути выхода из него. С позиций социологии образования о его кризисе свидетельствует всеобщая неудовлетворённость его качеством».

Можно предположить, что основная причина фиксируемого социологами снижения качества реального (а не декларируемого или рекламируемого) образования заключается в вовлечении школы (как базовой, так и высшей) в орбиту потребительских практик и потребительской идеологии. Из системы воспитания и прививания человеку высоких идеалов знания — традиции, берущей начало в Древней Греции, — образование всё больше превращается в транслятора инструментальных ценностей, позволяющих обеспечить высокий уровень благосостояния в будущем. При этом сами институты и агенты системы образования начинают функционировать в парадигме потребительского маркетинга. Другими словами, наблюдается интенсивная *консьюмеризация* образования.

По мнению известного отечественного исследователя Н.Е. Покровского, высшее образование во всём мире из святилища фундаментальных научных ценностей всё больше превращается в некое подобие супермаркета: «Потребители высшего образования, в том числе и в России, прежде всего ценят: его доступность или «удобность», то есть максимальное сокращение физических усилий для получения искомого результата;

экономическую усреднённость и эффективность («платить меньше — получать больше»); упакованность учебных программ в яркие функциональные упаковки, облегчающие потребление «товара», в качестве которого выступают знания и умения; максимальную коммерческую реализуемость полученных знаний. ...университеты, а равно и школы, уже не рассматриваются в качестве святилищ разума, а профессура и учителя — в качестве священнослужителей. И те и другие скорее эволюционируют в направлении обслуживающего персонала, предлагающего эффективные продукты, готовые к употреблению. Автор рассматривает эти тенденции как эффекты *американизации* образования.

Действительно, на родине потребительской культуры — в США — снижение качества на фоне его консьюмеризации проявилось раньше, чем в других странах и с большей отчётливостью. Ещё в 1983 г. американцы были шокированы данными правительственного доклада «Нация в опасности: необходимость реформы образования», над которым в течение двух лет работала специальная комиссия. Авторы доклада в категоричной и резкой форме заявили о серьёзных недостатках американского образования, главным из которых было признано угрожающее снижение качества подготовки молодёжи в школах. «Если какая-либо недружественная иностранная держава попыталась бы заставить Америку иметь такие посредственные показатели в области образования, какие существуют у нас сегодня, это могло бы с полным основанием рассматриваться как вооружённая агрессия». Одной из главных причин сложившегося положения дел авторы доклада указывали общую парадигму американского образования, философской базой которой стал прагматизм, определивший основополагающую идею — «образование в целях приспособления к жизни» (*life adjustment education*). Нужно понимать, что речь идёт о *вульгаризированном прагматизме*, опирающемся на принцип «учить лишь тому, что непосредственно полезно», который резко примитивизирует идеи основоположников этой школы в философии и педагогике, замечательных учёных и просветителей, таких как, например, Д. Дьюи. Обучение же в целях «непосредственной пользы» не способствует развитию интеллектуальных способностей, формирует у учащихся упрощённый, утилитарно-гедонистический взгляд на мир.

Американский психолог-когнитивист Д. Халперн, обобщая данные нескольких докладов Национального комитета по образованию, пишет практически о том же: «Америку называют «нацией, над которой нависла угроза», потому что мы лишаем учащихся самого важного компонента образования — мы не воспитываем в них способность мыслить». Сходные проблемы фиксируются и европейскими социологами образования, отмечаящими, что обязательная средняя школа не мешает существованию достаточно большой доли неграмотных.

Вульгарный прагматизм формирует отношение американцев к традиционной, классической гуманитарной культуре. При-

мером может служить изучение гуманитарных наук в вузах Америки, чему посвящена критическая работа профессора Чикагского университета А. Блума «Закат американской учёности». Блум, говоря о фактической деградации гуманитарного знания, указывает, что гуманитарные науки более других несут урон из-за практицизма, отсутствия уважения к традициям. Рассматривая проблему снижения культурно-образовательного уровня представителей будущей элиты, профессор призывает обратиться к великому классическому наследию прошлого и современности, чтобы в перспективе не оказаться оторванным от культурных ценностей западной и мировой цивилизации.

Несмотря на тревогу авторов доклада «Нация в опасности», негативные тенденции в американском образовании оказались необычайно устойчивыми и определили ту ситуацию, когда для 75% учащихся старших обязательными являлись лишь три предмета — родной язык, общественные дисциплины и физкультура, остальное занимали курсы по выбору (школы предлагали до 100 и более таких курсов), носящие в основном примитивно-прикладной характер (математика потребителя; семейная экономика; вождение машины; уход за больным дома; косметика; консервирование продуктов и т.п.). Для получения школьного диплома требовалось 16 единиц Карнеги, причём половину из них составляли курсы по выбору. Насколько подобная организация обучения далека от традиционных принципов и идеалов образования, сформированных высокой европейской культурой, не приходится даже говорить. Соответственно, и «продукт» такой системы образования — сформированный ею человек — далёк от образа классического интеллектуала.

Очевидно, что подобный подход к образованию выводит школу из традиционной для образования плоскости высокой культуры в плоскость культуры рыночно-потребительской. Становясь проводником

идеологии комфорта и гедонизма, система образования утрачивает направляющие и воспитывающие функции, становится одним из главных факторов, способствующих массовому воспроизводству носителей примитивизированного мышления. Другой важнейший фактор — распространение масс-медиа. Каждый год средний американец 1550 часов смотрит телевизор, 1160 часов слушает радио, проводит около 300 часов за чтением газет и журналов, становясь при этом реципиентом от 100 до 300 рекламных сообщений в день. Средний американский ребёнок к моменту окончания средней школы проводит перед телевизором больше времени (17 тыс. часов), чем в учебном классе (11 тыс. часов). Схожие тенденции фиксируются в отечественных исследованиях структуры свободного времени россиян, согласно которым две трети наших соотечественников в качестве основной формы внеурочного времяпрепровождения предпочитают просмотр телепередач и видеофильмов.

Глубина деформаций системы образования, вызванных влиянием потребительской идеологии, видна, если сравнивать особенности американской модели образования с другими странами. Например, в Великобритании ученики «академических направлений» средних школ проводят в школе по 8 час. в день в течение 220 дней в году. В США же типичный школьный день длится 6 час., а учебный год — 180 дней. В ряде случаев учебная нагрузка составляет только 17 час. в неделю, а в среднем по стране — около 22 час. В результате многие оканчивают среднюю школу и поступают в колледж без систематизированных и наработанных умений и навыков обучаться и самостоятельно работать.

Не удивительно, что ситуация с образованием в Америке выглядит гораздо хуже, чем в других странах. По результатам стандартизированного тестирования учеников девятого класса в 17 странах американские учащиеся оказались позади своих сверстников из Японии, Южной Кореи и всех западноевропейских стран, опере-

див только учеников из Гонконга и Филиппин. В тесте на математические способности (1988 г.) американские восьмиклассники были на одном из последних мест. При этом более 60% американских учащихся средних школ указали, что они справляются с математикой на «хорошо», тогда как подобные оценки своим знаниям дают лишь 25% учащихся из Южной Кореи, показавших при тестировании гораздо более высокие результаты. Тестирование знаний американских учащихся по общей истории также обнаружило почти полное невежество, с которым сравнимо лишь незнание географии: каждый седьмой из прошедших недавно тестирование американцев не мог найти свою собственную страну на карте мира, а 75% — Персидский залив, хотя в конце 1980-х годов многие из них выступали за отправку в этот регион американских вооружённых сил.

Последствия низкой успеваемости выходят далеко за рамки школьной сферы. Авторы различных исследований указывают, что от 23 до 84 (!) млн американцев *функционально неграмотны*; по данным одного из таких исследований, 25 млн взрослых американцев не настолько хорошо читают, чтобы понять смысл предупреждения на пузырьке с лекарством, а 22% взрослых не могут правильно написать адрес на конверте.

К сожалению, указанные тенденции перестают быть чисто американским достоянием и по мере распространения потребительской культуры проникают в Европу и Россию. В нашей стране образование, особенно высшее, традиционно отличалось высоким качеством. Однако в 90-е гг. XX века отечественная школа была захлестнута валом негативных тенденций, одной из которых стали взятки за зачёты и экзамены. Согласно данным исследования масштабов и причин коррупции в вузах России, проведённых в 2003—2005 гг., более половины студентов вузов так или иначе сталкивались с ситуацией «коммерческого решения вопроса об экзамене». Что характерно, около 50% опрошенных студентов

заявили, что главная причина коррупции в вузах — незаинтересованность студентов в учёбе. Многих из них интересует сам диплом, а отнюдь не знания, которые передаёт вуз. Как указывают авторы исследования, образование в России всё больше становится инструментальной ценностью, к которой активно применяются потребительские установки (*Шевченко И.О., Гаврилов А.А. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социс. № 7. 2005. С. 118–123*). Схожие тенденции выявляются и в других отечественных исследованиях, авторы которых указывают, что «в ориентациях молодёжи знания, квалификация, профессия имеют, прежде всего, инструментальную ценность, являясь способом достижения определённого статуса не только с помощью конкурентоспособного положения на рынке труда, но и впоследствии *повышения притязания к уровню потребления*».

Утрата образованием своих воспитательных функций в условиях доминирования потребительской идеологии приводит к росту масштабов девиантного поведения учащихся. Крупные отечественные социологи В.И. Добренков и А.И. Кравченко приводят данные социологического обследования студентов 24 вузов в 6 крупных городах России. Согласно этим данным, «...в студенческой среде распространены следующие формы делинквентного поведения: 32% — спекуляция, фарцовка; 26% — обман, авантюризм; 25% — вымогательство, стяжательство; 28% — воровство, грабёж; 33% — участие в драках, дебошах; 27% — склонность к терроризму, насилию; 22% — изнасилование (в том числе склонность к нему); 28% — затяжное пьянство; 24% — торговля наркотиками; 28% — потребление наркотиков; 11% — гомосексуализм; 28% — проституция; 20% — склонность к самоубийству».

Тенденции «консьюмеризации» образования и в дальнейшем *неизбежно* будут провоцировать снижение дей-

ствительного качества знаний. Тому есть две причины. Во-первых, как справедливо указывает В. Иноземцев, человеческий интеллект лишь тогда действует эффективно, когда подходит к решаемым проблемам творчески, а не утилитарно. То есть когда человека интересует решение проблемы или задачи *само по себе*, независимо от тех выгод, которые это решение может принести. Утилитарный же склад мышления, ориентирующийся на «отдачу», неизбежно сопровождается снижением интеллектуальной эффективности. Его носитель будет озабочен не решением задачи (анализом проблемы и т.п.), но оценкой выгод и издержек, сопровождающих его интеллектуальные «затраты». Во-вторых, как свидетельствуют приведённые выше данные исследований по вузам, потребительский подход к образованию неизбежно провоцирует социальных агентов (учителей, преподавателей) не столько учить и давать знания, сколько «удовлетворять спрос», и не столь важно, будет ли это реализовано в форме коррупции или коммерческого обучения «на выбор».

В исследованиях, проведённых под руководством автора в 2004–2006 гг. в школах г. Краснодара, в которых принимали участие учителя, школьники и их родители, достаточно отчётливо прослеживается взаимосвязь распространения потребительской морали в сознании молодёжи и обеспокоенность родителей и учителей качеством обучения¹. После актуальных вопросов оплаты труда педагогического состава и материальной оснащённости школ наибольшую озабоченность учителей вызывают такие факторы, как политика Минобразования (направленная на упрощение школьной программы), отношение родителей к учёбе детей и нравственные качества школьников. Родители в первую очередь обеспокоены содержанием и уровнем требований школьной программы, которые явно уступают уровню советского образования, которое получали они сами. В исследовании

1

Основу этих исследований составили два исследовательских проекта, выполненных под руководством автора для Управления образования Администрации г. Краснодара в 2004/2005 (N=2023) и 2005/2006 (N=1330) учебных годах.

за 2004 год отмечалось снижение уровня требований к обучающимся, проявившееся в ответах примерно третьей части респондентов из всех трёх групп.

В качестве хорошей иллюстрации к рассматриваемой теме можно привести комментарий одного из крупнейших математиков современности, академика Б. Арнольда, относительно планов реформы школьной программы в России: «Насколько я сумел понять планы, они сводятся в основном к снижению нашего уровня образования в средней школе до американских стандартов. Чтобы составить впечатление о последних, напомним только, что комитет по подготовке школьников штата Калифорния принял несколько лет назад решение требовать при поступлении в университеты штата следующего стандарта знаний по математике: школьники должны уметь делить 111 на 3 без компьютера. Этот уровень требований оказался для американских школьников непосильным, и Вашингтонские федеральные власти потребовали отменить эти «антиконституционные» и «расистские» стандарты...

По статистике Американского математического общества в сегодняшних Штатах разделить число $1\frac{1}{2}$ на число $\frac{1}{4}$ могут, в зависимости от штата, от одного до двух процентов школьных учителей математики. Из «стандартов» простые дроби давно у них исчезли, поскольку компьютеры считают только десятичные. Большинство американских университетских студентов складывают числители с числителями и знаменатели со знаменателями складываемых дробей: $\frac{1}{2} + \frac{1}{3}$ есть, по их мнению, $\frac{2}{5}$. Обучить после такого «образования» думать, доказывать, правильно рассуждать никого уже невозможно, население превращается в толпу, легко поддающуюся манипулированию со стороны ловких политиков без всякого понимания причин и следствий их действий».

Снижение уровня математических знаний отражает общую тенденцию неуклонного падения интереса к неутилитар-

ному знанию, не приносящему «практической» пользы. Отечественный социолог Н.Е. Покровский, анализируя снижение интереса современных российских студентов к теоретическим курсам, указывает, что основная причина этого — массовая ориентация на «полезное знание, т.е. знание ясное и доступное, чисто инструментальное и, что особенно важно, ведущее студентов после окончания вуза наикратчайшим путём к выгодной работе».

Таким образом, консьюмеризация образования вызывает две группы последствий. Первая группа связана с утратой образовательной функции школы, превращающей систему образования в институт социализации «потребителя», отличающегося *несамостоятельностью, ограниченностью и утилитарностью мышления*. Под «ограниченностью» имеется в виду сниженная способность к восприятию сложных идей, особенно абстрактного, неутилитарного характера — математических, гуманитарных — в пользу этого убедительно свидетельствуют приводимые выше факты и оценки. Утилитарность же проявляется, с одной стороны, в отсутствии устойчивого интереса ко всему, что выходит за рамки наличной полезности, с другой — в стремлении анализировать и категоризировать действительность через призму потребительских интересов, стремясь извлечь из неё максимум непосредственной пользы.

Вторая группа последствий связана с утратой воспитательной функции школы, ведущей в условиях доминирования утилитарно-гедонистических установок потребительской культуры (активно транслируемых масс-медиа) к росту масштабов девиантного поведения в среде учащихся.

Наш вывод отнюдь не претендует на статус «окончательного диагноза», но есть попытка рассмотреть некоторые наиболее тревожные тенденции в сфере образования, вызываемые распространением американизированной версии массовой потребительской культуры. **НО**